

Я с огромным удовольствием прочитала «Школьный двор». Это чтение было для меня утешением, в котором я нынче так нуждаюсь. Эта вещь всецело обаятельная и магнитно-притягательная, и она будет иметь большой успех, если книготорговля позаботится о рекламе и доступности книги. Это действительно повесть в новеллах, потому что в каждой главе есть своя сюжетная фишка с завязкой и развязкой. Даже не знаю, что мне особенно понравилось. Понравилось всё: и действующие лица, и одесский быт, и проделки, и любовь. Радость от чтения «Школьного двора» усугубилась тем, что позитивное чтение – само по себе нынче не просто редкость, а целебный рафитет.

Ирина Роднянская

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР

повесть в рассказах

Посвящается школе № 90

В престижную одесскую спецшколу с немецким уклоном отбирали тех, кто успешно прошёл собеседование с учителями немецкого языка. Новичков тщательно прослушивали, анализируя произношение, другие способности, а прошедших отбор сортировали по классам. По какому принципу формировались классы, было не очень ясно. Но можно было совершенно точно сказать, что ни один из нашего «Б» класса не вписался бы ни в «А», ни в «В», ни в какой другой класс. Наверное, здесь сыграло роль профессиональное чутьё комиссии.

Школа напитала нас тем, чем мы живы и поныне, что несём в себе и будем нести всегда. И не только мы, но и те, что придут и припалы после нас, каждое последующее поколение. Дух школы, получившей в 2013-м году диплом телепроекта «Достоиние Одессы», не умер и не устарел. Он по-прежнему обитает в её стенах. Всё, что мне хотелось, – это передать этот дух, воссоздав образ наших отношений.

Это не документальное повествование. Посему не удивляйся, читатель этих историй, если далеко не всё в них в полной мере соответствует тому, что было в действительности. У пера – своя правда.

КАЗЁНКА

Феля предложила пойти на казёнку. Идея вынашивалась с прошлого года, но в пятом классе было ещё стрёмно, а в шестом сам бог велел.

– Куда ты ходишь на казёнку? – выспрашивала Феля Фащ, влюблённого в Ритку.

– Какую ещё казёнку? – пытался отцепиться от неё Фащ, подозревая, что она хочет его поймать с поличным: Феля была в числе лучших учеников, а Фащ ходил в отстающих.

– Слушай, я для себя спрашиваю, – доверительно сказала Феля, понизив голос.

– Точно?

– Точно, точно! Точнее не бывает.

– Контрольную по алгебре дашь скатать?

– Дам. Ну, рассказывай.

Фащ лукаво улыбнулся:

– А Ритке от меня записку передашь?

– А ты что, сам не можешь?

– Передашь или нет?

– Передам. Ну?

– Ладно. С утра иду в кино, притворяюсь, что учусь во вторую смену, если что. Потом покупаю мороженое, иногда две порции. Потом в парк. Там никого в это время нет, красиво, тихо.

- А что ты там делаешь один?
- Голубей гоняю, на траве валяюсь, думаю.
- О чём? Небось у кого потом домашнее задание скатать? – Феля хихикнула.
- Да иди ты! Я о Ритке думаю. Почему она с тобой такой дружит, а со мной не хочет.
- С какой «такой»?
- Ну, такой. Зловредной.
- За это контрольную не получишь.
- А я скажу, что ты на казёнку пошла, когда тебя в классе не будет.

Феля вздохнула и согласилась на все условия.

На следующее утро Феля зашла за мной, как всегда, и мы отправились якобы в школу.

Феля обладала удивительным свойством внушать доверие взрослым. У неё был какой-то правильный вид. И говорила она в их присутствии очень правильно. И вела себя со мной рядом, как старшая сестра. Модель поведения она, положим, удачно скопировала со своей старшей сестры, уже замужней, а всё остальное шло на интуиции.

Феля была хитрюга. Только своего любимого папочку она не могла обвести вокруг пальца. Он как глянет в её плутовские глазки, так сразу всё просекает.

– Ах ты, плутовка, – улыбаясь говорил он, трепая её по щеке.

А Феля и не отпиралась – только смеялась в ответ, зная, что папочка её обожает и все шалости сойдут ей с рук. Тем более что отметки у неё всегда были хорошими и ни один учитель ещё никогда на неё не пожаловался.

Феля как-то рассказала мне по секрету, что папочка вечерами играет на одной квартире в преферанс и почти всегда выигрывает. Партнёров своих он умел читать только так, ничто не ускользало от его пронизательного взгляда. И считать он умел дай бог каждому. Так что семья была обеспечена, несмотря на то, что Фелина мама работала всего лишь медсестрой.

Мы вышли со двора, и я автоматически повернула направо.

– Стой, – одёрнула меня Феля, – нам налево. Мы сейчас сядем на троллейбус и поедем в кино.

У меня дух захватило от предвкушения полупустого зала и фильма, который будут показывать практически для нас.

У кассы мы отсчитали мелочь, и Феля направилась покупать билеты.

– Два билета, – сказала она уверенно. И на всякий случай прибавила: – Мы во вторую смену учимся.

Кассирша взглянула на неё с усмешкой:

– Те, кто во вторую смену, ещё дрыхнут.

– А вот мы не дрыхнем, – бодро и без капли смущения отпарировала Феля.

Кассирша только головой покачала.

В зале было абсолютно пусто, промозгло и неудобно. Мы поёжились, ожидая, когда погасят свет.

– Сколько там до начала? – спросила я.

– Две минуты, – ответила Феля, которой недавно подарили часы.

Через две минуты зажётся экран, и нам стали промывать мозги какими-то урожаями и достижениями в науке и технике.

– Перешли бы сразу к делу, – прошептала я.

– Ты чего шепчешь? Кроме нас, тут никого нет, – громко сказала Феля.

– Привычка, – ответила я опять шёпотом.

– От вредных привычек нужно избавляться, – веско сказала Феля. – Ну, давай скажи чего-нибудь вслух.

– Отстань! Чего прицепилась? Дай на комбайн посмотреть.

Мы расхохотались на весь зал.

– Вот видишь, это и есть свобода, – сказала Феля, всхлипывая от смеха.

Фильм был какой-то нудный. Журнал был куда интересней, и из кинозала мы вышли с нулевым впечатлением.

Начало казёнки явно не задалось.

– Ну что, пойдём хоть мороженого поедем, – предложила Феля.

– А у меня больше нет денег. Все на кино истратила, – виновато сказала я.

– У меня есть. Мне папа всегда даёт больше на всякий случай. Хочешь в «Снежинку»?

Ну, Феля! Ну, даё! В «Снежинку» я ходила только с родителями и только по воскресеньям, да и то если они выпадали на какие-нибудь праздники или семейные торжества.

Мы потопали по Дерибасовской прямо в сторону «Снежинки», предвкушая праздник живота. На пути у нас вырос лоток с мороженым, но мы и глазом не повели в сторону продавщицы, предлагающей свой ассортимент.

– Девчонки, купите мороженое! – зазывала продавщица. – У меня и эскимо на палочке, и пломбир, и фруктовое, и сливочное. Ну куда же вы? Денег, что ли, нет?

– Есть у нас деньги! – важно ответила Феля.

– Так в чём же дело?

– В свободе выбора!

– Чего?

Феля махнула рукой и ускорила шаг.

В кафе было тихо и немногочисленно. Несколько пожилых пар сидело за столиками, и одна молодая мамаша напротив качала младенца в коляске. Ничего интересного. Ни потолкаться в очереди, ни место занять заранее, стоя наготове и переминаясь с ноги на ногу возле перспективного столика... Даже младенец и тот спал.

Мы подошли к витрине, за которой стояли высокие кастрюли с несколькими сортами мороженого, и заказали себе по три шарика каждого сорта.

– Чем поливать будем? – спросила продавщица.

– Мне вишнёвым сиропом, – сказала я.

– А мне клубничным, – сказала Феля.

В последний раз, когда я была здесь с родителями, вишнёвый сироп кончился, и я вынуждена была заказать с клубничным, что испортило праздник. Теперь же любимого сиропа было навалом, хоть ведро заказывай, а праздника – пшик. Мы взяли в руки палы с мороженым и двинулись в зал.

– Ну, куда сядем? – спросила Феля, оглядывая пустые столики.

От такой свободы выбора даже дыхание перехватило. Вот бы на всех посидеть! Но нет, нельзя...

– Давай возле окна! – предложила я. Мне всегда хотелось возле окна. И ни разу не удалось. Вечно там кто-то сидел.

– Возле окна?! Скажешь тоже!

– А что?

– А то. Вот начнём лопать мороженое, а по улице директриса пройдёт. Увидит нас – и кранты.

– Чего это она вдруг по Дерибасовской ходить станет во время уроков?

– А ты чего по Дерибасовской ходишь во время уроков?

– Ну...

– Вот и она тоже.

Мы прошли в глубь зала и сели за столик в углу.

Мороженое было вкусным, но отсутствие ажиотажа притушило некоторые вкусовые качества.

Когда ждёшь, волнуешься, что оно закончится и тебе предложат другое, которое ты не очень любишь. Когда следишь за тем, кто сколько взял, и пытаешься сообразить, сколько ещё осталось, обостряется не только зрение и нюх, но и вкус. Выделение слюны, например, очень тому способствует.

– Скучновато как-то, – сказала я, слизывая сироп с ложки.

– А на уроках что, веселее? – Феля строго посмотрела на меня. – Не умеешь ты наслаждаться свободой.

На свободе всегда так – сначала скучновато, а потом привыкаешь. Вон, видишь, люди сидят на свободе, мороженое себе спокойненько едят, газетки почитывают, и никто не жалуется.

– Так то ж пенсионеры!

– Ну, пенсионеры. А у пенсионеров, что ли, не такая свобода?

– Да что ты заладила! Свобода, свобода... А что такое свобода, ты хоть знаешь?

– Знаю, конечно! Свобода – это осознанная необходимость.

– В смысле?

– В смысле, мы вот осознали с тобой, что нам необходимо сорваться с уроков, и пошли на казёнку.

– Ни фиги себе! Откуда ты это знаешь?

– От папы.

– А он откуда?

– Из книги какой-то. У нас дома полно книг. Даже Шекспир есть в старинном издании с картинками и золотыми страницами.

– Вот это да! Так, наверное, Шекспир это и написал про свободу.

– Ну да, он! Как же я сразу не догадалась! В «Ромео и Джульетте» это было, точно! Ромео, когда к балкону подходит и Джульетта ему про своих предков говорит, что они, мол, с его предками враждуют, он и выдаёт ей, что свобода – это осознанная необходимость.

– А при чём тут это?

– А при том, что они потом взяли и без спросу поженились.

– Ну и ничего хорошего из этого не вышло. Видишь, чем всё закончилось.

Феля задумалась.

– Нет, наверное, я ошиблась. Это в «Гамлете» было. Он там спрашивает: быть или не быть? И вырывается на свободу.

– Так ведь и в «Гамлете» ничем хорошим не кончилось.

Мы взглянули на наши пустые пиалы.

– Ладно, встаём! – скомандовала Феля.

На улице было хорошо, солнечно, куда светлее, чем в нашем углу в кафе. Феля взглянула на часы, прищурив свои морские глаза.

– Куда теперь? – спросила я, понимая, что она подготовилась к казёнке основательно.

– В парк. Там сейчас красота, листопад.

Насчёт красоты Феля оказалась права. Парк Шевченко осенью – это что-то из Пушкина. Тихо, небо синюшее, листья с позолотой мягко раскачиваются в воздухе, птицы в траве крошки выискивают. И столько всяких тропинок между кустами и деревьями, что, кажется, любая приведёт в волшебный лес.

– Слушай, а давай будем голубей гонять, – предложила Феля ни с того ни с сего.

– Это как?

– А вот так!

Она бросилась к стайке голубей, и они с шумом поднялись в воздух.

– С чего это ты голубей вдруг решила гонять? – спросила я, наблюдая, как они постепенно приземляются поодаль.

– Потому что это весело и свободу ещё лучше ощущаешь! – Она снова разбежалась и врезалась в гущу голубей. – Кшш!

Свободы в парке было действительно хоть отбавляй, куда больше, чем в городе, и возможности её испытать не шли с городскими ни в какое сравнение.

– Слушай, у меня в портфеле бутерброд лежит, – сказала Феля. – Давай будем голубей кормить!

– А гонять когда?

– А мы сначала будем кормить, а когда они вокруг нас соберутся, мы начнём их гонять. – Она открыла портфель, достала бутерброд и разломилась на две части. – Хватай, это тебе.

Мы стали крошить хлеб, и через несколько секунд голуби окружили нас плотным кольцом, норovia выхватить хлеб из рук. Феля усмехнулась.

– Ну, теперь держись, – пробормотала она, бросая им последний кусочек.

Голуби, ничего не подозревая, ещё плотнее подступили к ней. И тут Феля издала какой-то гортанный звук типа индейцев из немецких фильмов и с хохотом ринулась на растерявшихся от неожиданности голубей. Они бросились в разные стороны, а Феля преследовала их и, как только они приземлялись, вновь норовила врезаться в их грушки.

Как долго мы гоняли по парку – Феля за голубями, а я за Фелей, – сказать было трудно. О времени мы начисто забыли. Осталось только пространство и мы. Наверное, настоящая свобода и есть без примеси времени.

За бетонной нам грозило прозевать всё на свете и получить за это дома хорошенькую взбучку, но тут в нескольких шагах от нас зашевелился куст, и из него выскочил мужик в чёрном плаще, с густо лоснящимися наподобие грачиных перьев волосами. Его непроглядные, как ночь, глаза впились в нас, и он быстро-быстро задвигал фалдами плаща, словно тоже хотел взлететь.

– Помчали, – шепотом, будто мы находились в переполненном кинозале, скомандовала Феля.

Мы синхронно повернули на сто восемьдесят градусов и рванули к выходу. За нами послышались развевающиеся фалды плаща.

– Не оглядывайся! – выдохнула Феля. – Добежим до главной дорожки, там люди.

Через минуту мы уже вылетели из зарослей на главную дорожку. Там действительно были люди.

– Ну всё, отстал! – сказала Феля, переводя дыхание.

У меня дрожали руки и ноги.

– Да ты не бойсь, – попыталась успокоить меня Феля. – Эти дегенераты обычно никого никогда не преследуют. Прячутся по кустам, а если на них прикрикнуть, то убегают, чтобы их не видели.

– А ты откуда знаешь?

– Я слышала, как папе один психолог рассказывал, когда пришёл к нам в гости.

– Тоже ещё нашёл о чём в гостях рассказывать, – фыркнула я.

Вдруг Феля изменилась в лице. Глаза у неё выкатились, и она заорала на всю улицу:

– Полундра!

Краем глаза я заметила чёрные фалды, вынырнувшие из переулка. Мы припустили что есть мочи.

– Так не бывает, так не бывает, – приговаривала на бегу Феля.

Мы бежали, ничего вокруг не замечая и глядя только под ноги, чтобы не споткнуться.

Неожиданно кто-то возник у нас на пути, перекрыв дорогу.

Прямо перед нами, раздвинув руки, стоял какой-то толстенный дед, на которого мы чуть не налетели.

– Куда это вы так мчитесь? От кого это вы убегаете и почему это вы не в школе? – грозно вскричал он, как Мойдодыр из мультика, наклоняясь вперёд всем корпусом и преграждая нам путь.

– Мы, мы...

Он сделал движение, словно желая стрести нас в охапку, но мы вывернулись и с визгом бросились вниз по улице.

Дед отстал. Мы пробежали ещё немного и собирались уже остановиться, чтобы отдышаться, как из-за угла вновь вынырнули чёрные фалды.

Не раздумывая ни секунды, мы сорвались с места и понеслись во всю прыть.

– Так не бывает, так не бывает, – хрипела Феля на бегу.

Казалось, что это не мы бежим, а улица превратилась в эскалатор и несёт нас к Фелиному дому. Если бы это было на физре и Федора засекала бы время, она бы точно отправила нас на городские соревнования.

Мы влетели во двор, рванули дверь Фелиного парадного и взмыли на четвёртый этаж её высокого старинного дома, как на скоростном лифте.

Дома у Фели никого не было, кроме полусумасшедшей Мани, её двоюродной бабки. Феля трясущимися руками встучала в скважину и отперла дверь. Почти так же молниеносно она её захлопнула за собой.

На стук вышла Маня из своей комнаты и стала что-то вякать.

– Маня, спишь! – рывкнула Феля так, что покосилось зеркало на стене в прихожей.

– Маня бесшумно исчезла.

Мы влетели в комнату и первым делом подбежали к окну.

Сверху двор просматривался идеально. Можно было увидеть каждого голубя и каждого воробья.

– Никого, – с облегчением сказала Феля и пошла переодеваться.

В ту же минуту из подъезда нарисовался чёрный плащ.

– Смотри, смотри! – заорала я.

Феля дёрнула к окну, и у неё отвалилась челюсть.

– Полный атас...

Посреди двора стоял наш преследователь и шарил глазами по окнам. Фелины окна были высоко, под самой крышей, а днём они вообще отсвечивали солнцем, так что разглядеть что-либо было невозможно. Плюс к тому ещё и занавески были из плотной благородной ткани. Несмотря на это, нам стало не по себе, когда чёрный плащ, задрав голову, буквально впился взглядом в Манино окно.

Несколько секунд мы стояли, оцепенев, а он продолжал смотреть без отрыва, словно что-то безудержно влекло его к этому окну.

Вдруг Феля затряслась от беззвучного смеха. Я вопросительно посмотрела на неё, но она не могла остановиться, выдувая из горла какие-то кричающие звуки, будто на уроке, когда нельзя смеяться и от этого расширяет ещё больше.

Я уставилась на неё:

– Ты что?

Словно страдая от удушья, Феля еле выдавила из себя:

– Я... я... представь только... вот если бы... он увидел... Маню вместо нас. – Она согнулась в три погибели и захлебнулась от хохота.

Чёрный плащ по-прежнему не сводил глаз с Маниного окна.

Мне стало жутковато, но Феля разогнулась и, грозя ему пальцем, выпалила:

– От вредных привычек нужно избавляться!

Тут и меня прорвало. Мы обе повалились на пол и катались по толстому персидскому ковру, хохоча до изнеможения.

Когда приступ смеха прошёл, мы ещё какое-то время лежали, глядя в потолок и всхлипывая. Наконец всё утихло.

– Есть хопь? – спросила Феля.

– Зверски.

Мы отправились на её самостоятельную кухню – чудо из чудес для ребёнка, выросшего в одесской коммуналке, – и стали поедать всё подряд, уставившись на крыши соседнего двора, куда выходили окна. Кухня была вытянутой в длину, и на ней могло бы запросто уместиться несколько соседок. А слева, по всей ширине, были ступени, ведущие в просторнейший и тёплый туалет с ванной и душем.

– Хорошо у тебя, – говорила я, заедая сыр шоколадной конфетой из «Золотого ключика».

– А у тебя что, плохо разве?

– И у меня хорошо. У меня соседи, как родные делушка с бабушкой. Они, наверное, уже волнуются, почему я задерживаюсь.

О том, чтобы возвращаться домой одной после всего этого, не могло быть и речи.

– Покажи мне Шекспира, – попросила я, дожидаясь последнего кусочка.

Феля повела меня в комнату, где располагалась библиотека, и перед моим взором за стеклом книжного шкафа невероятной красоты развернулось королевство старинных книг, доставшихся Фелиному отцу от предков.

Феля бережно вытянула массивный том с «Ромео и Джульеттой», и мы ушивались иллюстрациями, переложенными специальной полупрозрачной бумагой по типу той, на которой моя мама переснимала выкройки из журналов мод. Ради этого стоило познать горький вкус свободы.

Вскоре пришёл Фелин папа. Он был немного удивлён, застав меня в гостях.

– Вы что, проказёнили сегодня? – с усмешкой спросил он у Фели.

Её плутовские глазки забегали, но вместо ответа она попросила его пойти с нами прогуляться и заодно провести меня домой.

Папа погрозил ей пальцем, мы оделись и отправились втроём ко мне.

По дороге мы с Фелей усиленно вертели головами по сторонам, желая удостовериться, что никто нас не подкарауливает, но чёрный плащ как сквозь землю провалился.

– Ну слава богу! Почему так поздно? – всплеснула руками тётя Витя, открывшая нам дверь. – Всё в порядке?

Увидев рядом Фелиного папу, она немного встревожилась.

– Да, да, не волнуйтесь, всё в полном порядке, – уверил её Фелин папа.

Он объяснил, что я была у Фели и он не хотел, чтобы я шла домой одна. Что и было правдой. Как и почему я оказалась у Фели, никто не уточнял.

– Ну и хорошо! Спасибо вам большое, что проводили нашу красавицу, а то я уже обед в который раз разогреваю!

Мы распрощались, и я пошла мыть руки.

Вечером, засыпая, я думала о том, как хорошо возвращаться из школы в этот дом, где ждёт обед, где со двора раздаются знакомые голоса, где мама по ночам строчит на машинке, ожидая папу с дежурства, и где голубь с утра стучит в окно.

На следующее утро Феля зашла за мной, поздоровавшись с моими родителями как ни в чём не бывало, и мы отправились в школу.

Как только мы вышли из ворот, она быстро зыркнула влево.

– Даже не думай, – предупредила я её.

– А я и не думаю. У меня так само получается, – призналась со вздохом Феля. – Наверное, это необходимость свободы. В особенности по утрам.

Она посмотрела на часы.

– Значит так, Феля, – сказала я внушительно. – Свобода – это никакая ни необходимость. Свобода – это когда не нужно смотреть на часы.

Феля удивлённо подняла брови:

– А что же тогда необходимость?

– А необходимость это всё остальное.

До школы мы дошли, не проронив ни слова. Феля переваривала сказанное, а я – впечатления вчерашнего дня.

Когда мы вошли в класс, Фащ подозвал нас с Фелей и заговорщицки спросил:

– Ну, как?

– Всё класс, – сказала Феля.

– В кино ходили?

– Ага.

– Мороженое ели?

– Ели.

– Голубей гоняли?

– Гоняли.

– Сначала мы их, потом они нас, – добавила я.

Мы прыснули.

– Это как? – не понял Фащ.

– Долго рассказывать, – решила округлиться Феля.

Мы направились было на свои места, но Фащ окликнул нас:

– Эй, вы куда? Ты мне записочку задолжала.

Феля вернулась:

– Давай уже свою записочку.

Фащ вырвал из тетради листок, с тоской взглянул на Ритку в противоположном конце класса и написал: «Пошли на казёнку!».

Ноябрь погодой не баловал. Ветрено, пасмурно, зуб на зуб не попадал. Серые мешки облаков грозили просочиться дождём, но ветра отгоняли их и насылали туман и изморось на город.

У памятника Неизвестному матросу промозглость была особо ощутима – 21-метровый обелиск возвели на краю обрыва над морем, где беспрестанно кружили ветра.

Парк помрачнел. Голые ветки облетевших деревьев только усиливали ощущение бесприютности озябшей природы в ожидании ещё далёких новогодних радостей.

В один из таких дней перед началом уроков в класс вошла завуч и сообщила, что группа учащихся будет освобождена от занятий на неделю, чтобы нести вахту на Аллее Славы в парке имени Шевченко.

Памятник Неизвестному матросу – место святое для одесситов. Там во все времена присягали в верности городу, его традициям, туда отправлялись почтить память погибших молодожёны. Сразу после загса спешили не в ресторан и не к столу, а на Аллею Славы возложить цветы.

Памятник был поставлен не только погибшим в 1941 году в Григорьевском десанте – первом морском десанте на Чёрном море, задачей которого было совместно с воздушным десантом разгромить группировки румынских войск, движущихся на Одессу с Фонтанки. Задача была выполнена с честью: две румынские пехотные дивизии были разгромлены, и к вечеру 22 сентября линия фронта была отодвинута на 5-8 километров от города.

На четырёх сторонах обелиска четыре барельефа запечатлели четыре героических периода в истории Одессы. Помимо Григорьевского десанта, это ещё и оборона города в апреле 1854 года, во время Крымской войны, когда эскадра союзников, не сумев высадить десант, отступила в Крым, а также восстание на «Потёмкине» в 1905 году и Январское вооружённое восстание 1918 года. Такой историей можно было не только гордиться, но и учиться на ней победоносному духу города.

Стоять на вахте у обелиска было большой честью. Попасть в группу хотелось каждому, и вовсе не потому, что на занятия ходить не нужно было. Независимо ни от чего от домашних заданий никого не освобождали и поблажек никому не давали. Нести вахту означало ещё и выполнять школьные обязанности и вообще быть достойными тех, кто отдал жизнь за Одессу. Комсомольско-пионерский Пост № 1 был установлен в 1968 году, 10 апреля, в день празднования освобождения Одессы от немецко-фашистских захватчиков. И всё это вместе и по отдельности было очень и очень значимо.

Отбирали не только за успеваемость и примерное поведение, но и по внешним параметрам. Требовались рослые, стройные десятиклассники, и из наших отобрали Сабоню с Крищенко, а из девчонок в поле зрения попали мы с Кошелевой и Ольга с новенькой, которая только перевелась к нам и была круглой отличницей.

Новенькую забраковали сразу, так как она носила очки, а они запотевали на холоде каждую минуту, так что стоять по стойке «мирно» у памятника или даже дежурить на Аллее было проблематично. Ольга тоже отпала, как только взглянула на комиссию своим изумлённым взглядом, когда её попросили пройти строевым шагом. Мы же с Кошелевой бойко зашагали, отчеканивая шаг, и по всему очень даже приглянулись начальству. Нас попросили пройти на бис, и мы так тянули носок, что все были в отпаде от этого варьете.

– Ну, девчонки, ну покажите ещё, как вы там канкан отчеканивали! – умолял Зелинский после просмотра.

Кошелева только хихикнула, поправляя перед зеркалом полученную пилотку, а я с сожалением смотрела на фото Обелиска на стене с фотографиями караульных.

В караульные нас с Кошелевой не взяли. Назначили дежурными по Аллее. В наши обязанности входило следить за порядком, чтобы никто не бросал окурки на землю, не сорил и не действовал на нервы тем, кто стоял в карауле. Нам выдали бушлаты и пилотки, повесили на стене расписание дежурств, и под надзором начальника группы мы должны были в положенное время отправляться на место патрулирования, а старший потом возвращался в штаб.

В домике, который и был штабом, мы с утра переодевались в форменную одежду, и туда за нами приходили старшие отряда, чтобы отвести на Аллею. В штабе была специальная комната с длинным столом, за которым можно было перекусить, выпить горячего чая и сделать домашнее задание. Всё-таки это был десятый класс, и каждый старался получить лучшую оценку в аттестате.

В первый же день, когда Курица с Риткой заявили, чтобы навестить нас и дать нам домашнее задание, мы обсудили план действий. То, что парк Шевченко был местом не очень благополучным для длительных проходов юных дев, даже и в бушлатах, понимали все, кроме начальства. Курица с Риткой пришли с целью нас охранять, и если надо, то и защищать от тёмных элементов – любителей копошиться в кустах.

– Значит так, вы пилите по Аллее, а мы за вами на стрёме, – говорила Курица, которую предупредили, чтобы на Аллее никто с дежурными рядом не прогуливается. – Чуть что, подскакиваем и поднимаем хвёж. Только задом не вертите.

В первый же день, пока мы следили за порядком, а Курица с Риткой – за кустами, обнаружилось, что за нами тоже следили. Мужик в сером плаще и кепке постоянно тёрся рядом, даже не притворяясь, что рассматривает достопримечательности. Его, конечно же, сразу вычислили, но он не сообразил, что мы вчетвером.

– На стрёме, на стрёме, – негромко за нашей спиной оповещала нас тоном разведчицы Курица.

Поскольку мужик в наступление не шёл, мы продолжали делать обход в соответствии с уставом. Надеялись, что он наконец отклеится – погода паршивая да и что толку за нами брести? Так мы и ходили туда-сюда, наблюдая боковым зрением, как он делает пару шагов и останавливается, потом снова пару шагов и останавливается.

Идти по направлению к памятнику было куда приятнее. Хотя ветер с моря дул прямо в лицо, грозя сорвать пилотки, тщательно прикреплённые заколками к волосам, это с лихвой компенсировалось тем, что у памятника несли вахту Сабоня с Крищенко. Сердце переполнялось гордостью при взгляде на них, наших мальчишек, стоящих на страже святая святых. Форма преобразила их. Они смотрелись как настоящие защитники города – статные, широкоплечие, мужественные. Лицо героической Одессы. А выправка! Как удалось им коренным образом преобразиться за короткое время? Куда только подевались те оболтусы, что задачи у доски не могли решить?

– Ритка, ты видела, как мальчишки сегодня смотрелись? – спросила я, отогреваясь чаем в штабе.

– Видела, конечно. Защитники наши будущие. – Ритка отхлебывала из чашки, обхватив её ладонями. – Им там над обрывом ещё холоднее было, чем нам. Дуло прямо с моря, а они и пошевелиться не могли.

Вошла Курица с чаем и, усаживаясь напротив, громкогласно заявила:

– Так, девки, вы как хотите, но если этот чмырь ещё раз нарисуетя...

– Курица, заглохни! – оборвала её Ритка. – Не видишь, люди тут к занятиям готовятся, да и вообще...

– О чём базар? – поинтересовался, подсаживаясь к нам, Зелинский. – Лизок, иди, я тебе чаю принёс с печеньями, – окликнул он Кошелеву, которая собиралась разжиться кипятком. – Угощайтесь, девчонки! – Он поставил на стол тарелку с печеньем. – Ну, так что там у вас стряслось?

– Да падла одна всё дежурство пейзаж портила, – сказала Курица, беря печенье.

– Кто такой?

– Ничего особенного, просто смотрел, как наши павы обходят Аллею, – попыталась сгладить неровности Ритка. – Пока что для паники нет никаких причин.

До конца дня всё было тихо. К Курице с Риткой прибавился ещё Зелинский, и с таким эскортом было совсем уже спокойно.

Серый плащ больше не появлялся, и после дежурства, решая, как быть дальше, мы пришли к выводу, что назавтра конвой не нужен, тем более что погода обещала быть дождливой.

Как же мы ошиблись! На следующее утро плащ поджидал нас. Мы заметили его только после того, как старший по группе ушёл. А может, он просто прятался где-то за деревьями, дожидаясь, пока мы останемся одни.

– Что делать будем? – шёпотом спросила Кошелева.

– Ничего. Будем ходить как ни в чём не бывало. Будто его нет.

– Но он есть!

– Наша задача – следить за порядком. Порядок он не нарушает. Стоит себе и стоит. Ходим кругами, до него не доходим. В случае чего побежим к нашим к вечному огню.

Мне самой стало легче, когда я вслух определила план действий. Ну конечно! Что он нам может сделать на Аллее, где все друг у друга на виду, плюс мальчишки стоят в карауле?! Мы даже развеселились, стали нести какую-то чушь, но это было нервное.

Трижды в течение дня возвращались мы на дежурство, и трижды серый плащ появлялся, как только старший по группе уходил. Он устроил себе поодаль нечто вроде наблюдательного пункта в кустах, прямо за захоронениями, и стоял там истуканом.

На следующий день всё повторилось. Это уже настораживало.

После уроков примчались Ритка с Курицей.

– А Зелень где? – осведомилась я.

– Слёг. Грипп у него, – сказала Ритка. – А что? Снова появился?

Мы с Кошелевой кивнули.

– Не нравится мне всё это, – покачала головой Ритка. – Нужно, наверное, оповестить старшего по группе.

– Да, как же, оповестишь его, – с досадой сказала Кошелева. – Когда мы в сопровождении старшего, никого нет. А потом как из-под земли вырастает и стоит столбом в кустах, прямо за плитами. Привидение...

Решили пока держаться вместе и играть по слуху. Заодно опросили других дежурных, не видал ли кто кого-то подозрительного, но никто ничего не видал, никакого мужчину.

– Представляете, девки, какая падала! Хочет сделать из нас истеричек, – возмущалась Курица. – Никто его не видит – ни старший, ни другие дежурные. Только мы. Вот убудок! И где спрячется – за захоронениями! Ничего святого!

– Нужно перестать его бояться, девчонки, – сказала я.

– Это как? – спросила Кошелева.

– А вот так. Не мы для него, как он думает, а он для нас. Мы должны с ним расправиться.

Курица всполошилась:

– Ты что, предлагаешь залабать ему Шопена? – имелось в виду сыграть похоронный марш. – Так я мазу соберу на раз!

– Не ему, Курица. Нашим страхам нужно залабать Шопена.

– Легко сказать, – вздохнула Кошелева.

А убудок уже поджидал нас на том же месте. Мы прошли мимо, и когда отошли на порядочное расстояние, Ритка сказала нам в спину:

– В натуре, девчонки, это становится уже опасным.

Мы замедлили шаг.

– Что ты предлагаешь? – спросила я, не оборачиваясь.

Ритка собиралась что-то ответить, но тут раздались звуки «Реквиема», запись которого играли на Аллее через определённые промежутки времени. Мы слышали его не раз, но на нашем дежурстве это звучало впервые. Музыка, голос, читающий строки Рождественского, вечный огонь, пляшущий под низким скорбным небом, море, рокошущее внизу, фигурки мальчишек вдалеке по обе стороны обелиска, невидимый враг... Всё это вдруг соединилось в картину жизни и смерти, в которую отныне были включены и мы со всей нашей родословной как частью родословной города.

Волна неведомых доселе эмоций захлестнула нас. Мы стояли не в силах пошевелиться. Глаза слезились то ли от ветра, то ли оттого, что перехватило горло. Мы мысленно оплакивали тех, кого не знали, а внутренним взором видели облик наших мальчишек. И мы готовы были встать на их защиту, принять удары ветра на себя...

Когда запись закончилась, мы попытались вернуться в исходное положение, то есть продолжать обход, но совершенно неожиданно Курица сорвалась с места и с воплем ринулась к захоронениям.

– Урою! – судорожно выкрикивала она, несясь по направлению к серому плащу.

Он сначала не сообразил, что это относилось к нему, а когда сообразил, то словно врос в землю.

– Урою, падала! – орала Курица, приближаясь к нему со скоростью теннисного мячика. – Наши предки жизни сложили за этот город, а ты... ты, сука, топчешь тут их память!

Такого патриотического подъёма никто из нас от Курицы не ожидал. Она готова была уже прыгнуть на подлеса и вырвать ему глаза, как из-за кустов выскочил патруль. Не успели опомниться, как нарушителя скрутили, повалили на землю и в наручниках затолкали в машину.

Мы только присвистнули, глядя, как машина стремительно уносила его к участку.

– Ну дадут! Прямо как в кино, – сказала Кошелева.

Кино нас тоже ожидало, но чуть позже. А на тот момент мы думали только о загадке своевременного вмешательства патруля. Она разрешилась почти сразу. Оказалось, что наш опрос дежурных в штабе касательно подозрительного типа не остался без внимания. Те, с кем мы говорили, заподозрили что-то неладное и обратились к старшему группы. Тот, не мешкая, вызвал патруль, и пока Курица мчалась с криком к нашему преследователю, ребята обошли его со стороны посадки и без труда схватили.

– Отвлекла внимание и способствовала успешному завершению операции по взятию нарушителя, – подытожил начальник штаба на вечерней линейке, поблагодарив Курицу за проявленную бдительность. – Мы давно за ним охотились, но он как сквозь землю проваливался всякий раз, как мы отправляли патруль на его задержание. Молодец, птичка-невеличка! Смелость города берёт.

Так Курица стала героиней дня и получила за это грамоту за подписью начальника. На этом, конечно, теневой мир парка не рассеялся, но до конца дежурства мы чувствовали себя в полной безопасности и просто купались в лучах победы.

Последний день выдался особо холодным. Ветер хлестал по щекам. Досталось и ногам в тонких колготках. Щёки ещё можно было защитить, подняв воротник, а вот ноги... Бушлат был довольно короткий, а юбку не хотелось надевать такую, чтобы она из-под него выглядывала. Подпрыгивая и поминутно похлопывая себя по замерзшим местам, мы с Кошелевой кружили, как два анста, по пустынной Аллее.

– Эй, девочки, подойдите-ка сюда, – окликнул нас какой-то плотный человек, рассматривающий надпись у плиты.

Рядом с ним стояла стройная молодая женщина и приветливо улыбалась нам.

Ёжась, мы потрусили к ним.

– Здравствуйте, – поздоровались мы, стараясь унять дрожь.

– Ну здравствуйте, здравствуйте, красавицы, – сурово поприветствовал нас незнакомец. Мушка на его левой щеке дрогнула, словно он подавил усмешку. – Не холодно в таких юбочках дежурить на ветру? А если продует?

Я опешила. Да ведь это же Моргунов! Похоже, Кошелева тоже сразу смекнула, кто перед нами.

Мы смотрели на него во все глаза, а он продолжал как ни в чём не бывало:

– Что же это ваше начальство выпускает вас дежурить в такой холод в таких коротких бушлатах?

У них что, подлиннее ничего не нашлось? Или решили на молодёжи сэкономить? Безобразие да и только! Комсомолки?

Мы кивнули. Женщина уже еле сдерживалась от смеха за его спиной.

Он же невозмутимо продолжал:

– Сегодня же позвоню вашему начальству, спрошу, почему они не берегут своих комсомолок. Вам бы на обложку комсомольского журнала, а они вам такие короткие бушлаты выдают. Непременно позвоню в райком. Или нет, лучше даже в горком.

Женщина уже заливалась вовсю:

– Да не обращайтесь на него внимания, девчонки. Он всегда такой. Любит пошутить, разыграть. – Она утёрла слёзы. – Розыгрыш нас и познакомил.

– Это как? – спросили мы.

– Да просто. Сама же и помогла себя разыграть. Я тогда в технологическом училась и готовилась к зачёту. Ну, позвонила на кафедру, чтобы время зачёта узнать, попросила профессора к телефону. Только случайно вместо кафедры набрала телефон подруги. А там сидел Евгений Александрович. Он взял трубку и на мой вопрос ответил, что он сотрудник кафедры и вскоре перезвонит мне с ответом. Я дала ему свой номер. Так всё и закрутилось. Он звонил мне несколько раз, а потом сознался, что разыграл меня, представился и пригласил на свидание.

– Ну надо же! – всплеснула руками Кошелева и прибавила, глядя на Моргунова: – А я вас сразу узнала.

– И я, – призналась я следом за ней.

Моргунов заулыбался. Мы ещё немного постояли, он расспросил нас о том, из какой мы школы, когда заканчиваем, но его жена уже начинала поёживаться.

– Нам пора, – сказал он, обняв её за плечи. – А вы, девчонки, правда, подлиннее что-то надевайте, а то обморозите ноги-то.

Мы счастливо закивали в знак согласия, проводили их до лестницы и помахали на прощание.

– Наши ни за что не поверят, что мы с самим Моргуновым тут повстречались, – говорила Кошелева, глядя им вслед, пока они не исчезли из виду.

Ритка с Курицей действительно поначалу не поверили, но мы их в конце концов убедили.

– Эх, жаль только, что не на чем было автограф получить! – сокрушалась Кошелева.

А Зелинский, который тоже приплёлся, всё ещё кашляя, сказал:

– Да попросила бы прямо на коленке автограф оставить, Лизок. Он бы не отказал.

Кошелева залилась смехом.

– Зелень, ну чего ты припёрся? – укоризненно посмотрела на него Курица.

– Да грустно дома, чаю некому подать.

– На тебе чаю, – сказала Ритка, отдавая ему свою чашку, которую только что принесла. – Попьёшь, и мы тебя домой проводим. Отлежишься на выходные.

Зелинский кивнул и отхлебнул из чашки:

– Хорошо. Горячий. Душу согревает. Ох, девчонки, чтобы я без вас делал!..

Наступила пауза. Было слышно, как листают страницы учебника «ашки» и травят анекдоты «вэшки».

Дверь открылась, и совершенно озябшие Сабоня с Крищенко направились напрямик к чайнику.

– Интересно, где мы будем в это время в будущем году, – сказала, провожая их взглядом, Ритка.

– Почему ты об этом подумала? – спросила я.

– Подумала, и всё.

Сабоня с Крищенко налили себе полные чашки и осторожно, чтобы не расплескать чай, подошли к нашей группе.

– Ну и холодина!

Они присели рядом, отогреваясь над паром, обильно поднимавшимся из чашек.

– Где бы мы ни были в будущем, – откликнулся Зелинский на Риткину реплику, отхлёбывая из чашки, – а в понедельник снова встретимся в нашем классе. И это – главное.

Все согласно закивали, ухватившись за соломинку определённости перед лицом неизвестного будущего.

За окном сгустился туман. День подходил к концу, а с ним и наше дежурство.

В «А» классе учились дети парткомовских и обкомовских работников, дети директоров и ректоров, ещё чьи-то дети. Все стремились отдать своих детей в класс учительницы Евдокии Ивановны, которая слыла самой строгой и требовательной из всех учителей младших классов. И это сказывалось на успеваемости. «Ашки» преуспевали. Причём все. Впечатление было такое, будто они там между собой соревновались, кто получит лучшую оценку, кого больше похвалят и заметят, у кого будет меньше всего пропусков. Нужно было отдать им должное – все они пахали по-чёрному. Никто из них не позволял себе такой роскоши, как рассматривать желтеющие листья в окне на уроке математики или писать на биологии записку другу с предложением казёнки. Все взгляды были устремлены на учителя, все помыслы были устремлены на получение необходимых знаний. В этот класс было страшно войти во время урока, такая там стояла полная боевая готовность.

Самым слабым был «В» класс. И самым невыразительным. У него не было своего стиля. Просто сбор разнокалиберных учеников с неярко выраженными способностями. Кто-то с кем-то дружил на переменках, но всё это исчезало после окончания уроков, как наряд Золушки после полуночи. Из ярких там были только Илона и Игорь. Илона была известна нестандартным бюстом и тем, что встречалась со старшеклассниками. После уроков её иногда видели на Приморском бульваре, накрашенную и в окружении каких-то моряков не отечественного разлива. Позднее к ней присоединилась её подруга, но, в отличие от грандиозной Илоны, она так и не стала достопримечательностью класса.

Игорь выделялся смазливой внешностью и тягой к активизму. Он постоянно посещал то пионерские, то комсомольские собрания, хорошо учился и был явно ориентирован на большое будущее. В старших классах он стал ухаживать за перспективной Соней из «А» класса, и его вскоре перевели в тот же класс, чтобы дети не страдали в разлуке. Вскоре Игорь прославился официальным женихом мечтательной Сони, и им позволялось даже держать друг друга за руки и обмениваться нежными взглядами. Учителя, проходя мимо, всегда грозил им пальцем. В шутку, конечно же. После успешной сдачи выпускных экзаменов блестящая пара появилась вместе на выпускном вечере, и все смотрели с умилением, как Игорь ухаживал за своей невестой, буквально сдувая с неё пылинки.

Они расстались на рассвете, он проводил её до двери и больше никогда не появлялся в её жизни. Говорят, Соня впала в депрессию, отказалась поступать в институт, но её почти силком втащили туда, и она успешно закончила юрфак, став юристом. Наверное, чтобы вылавливать впоследствии таких негодяев, как Игорь.

«Ашки» сходились на почве учёбы. Перед ними сразу была поставлена задача не посрамить марку класса и получить хороший аттестат. Ничего больше этого их не связывало. Нас же связывало всё, кроме учёбы. Учёба была фоном нашей жизни, но не её главной составляющей. Наша классная руководительница – милейшая Ольга Дмитриевна – была душой первоклашек, которые липли к ней и продолжали липнуть вплоть до смены декораций. Благодаря ей в нашем классе с первого момента воцарилась атмосфера душевности.

С учителями отношения складывались по-разному, в отличие от «Ашек», которые выдерживали ровный тон со всеми. Особенно недолюбливали мы учительницу по литературе и языку Сусанну Ивановну. Её родители явно находились под впечатлением истории об Иване Сусанине, за что она и получила кличку Сусанин. Когда Сусанин бодрым шагом впервые вошёл в класс, и без того находившийся под стрессом после потери Ольги Дмитриевны, всем стало ясно, что прежним доверительным отношениям пришёл капут.

Сусанин был хитёр и всё время норовил сбить нас с толку. Например, он мог отвлечь наше внимание всякими душещипательными подробностями из жизни Герасима, о которых все и так уже были слышаны, а потом вдруг вызывал одного из нас к доске и спрашивал, как звали домашнего лекаря барыни Герасима. Ну какой нормальный пятиклассник, которому со двора орут «Выходи!», обратит внимание на эту деталь! Если, конечно, он не из «Ашек».

– Садись, два! – так обычно подытоживал Сусанин мучения у доски очередного бедолаги.

Сусанин требовал ежедневной подготовки и знания текста не понаслышке и муштровал нас будь здоров как. Мне он вообще продыху не давал. Мало того что вызывал вне очереди, то есть, когда я по своим расчётам могла отдыхать преспокойненько, так ещё и норовил отправить меня домой с позорной четвёркой. И это было западало. Мои сочинения были самыми творческими в классе, но Сусанин, как назло, копался только в запятых и других мелочах, постоянно снижая мне оценку. Из-за его вопиющей зловредности приходилось готовиться к каждому уроку до конца отбывания срока в школе. Но Сусанину это даром не прошло. Я знала, в чём моя сила, и понимала, что иногда и Сусанин от меня зависит, причём по-крупному.

Дело в том, что каждый год у нас проводилась олимпиада старшеклассников по разным предметам, в том числе и по литературе. У Сусанина были имя и репутация в кругу городских учителей, и, конечно,

Сусанин стремился к тому, чтобы на олимпиаде прозвучали имена его учеников. Отличников по литературе в «А» классе было предостаточно. В нашем классе пятёрки всегда получали идущие на золотую медаль Даша Мороз и Янка Гаусс. Я же колебалась между «пятеркой» и «четверкой», так как в творческом запале обязательно допускала какие-то мелкие огрехи. Морозко с Янкой считались «крепкими», т.е. писали как надо, а я – не очень крепкой, но зато литературно одарённой. Разница, как между добротной штампованной продукцией и уникальной вещицей. Сусанин понимал в этом толк и держал меня на грани «пятерки» и «четверки», чтобы я не расслаблялась.

Участие в олимпиаде было как бы добровольным. Но «как бы» в данном случае не считалось.

Когда Сусанин вызвал нас с Морозко к себе после урока и предложил поучаствовать в олимпиаде, я наотрез отказалась. Это было ответом на его козни. Своего рода протест. Я ожидала, что отказ вызовет возмущение Сусанина с последующими репрессиями, но Сусанин вдруг подобрел и пообещал учесть мои старания в конце года, отпустив мне мимоходом пару комплиментов. Он был хитёр и знал, как обернуть дело в свою пользу. Делать было нечего. Я согласилась. Но с одним условием – на заданную тему писать не стану, только на свободную. Сусанину ничего не оставалось, как тоже согласиться. Так состоялась эта сделка.

Свободная тема была отвоёвана, но Сусанин даже представить себе не мог, как вольно обойдусь я с этой свободой. Он всё-таки мыслил по старинке, в рамках правил. А я мыслила в рамках исключений. Сюрприз, который ожидал Сусанина, был почище того, который его тёзка устроил ненавистным полякам.

Придя домой, я с воодушевлением взялась за перо. Ну, Сусанин, держись! Объектом своего сочинения я, не колеблясь, выбрала фильм «Генералы песчаных карьеров», который недавно посмотрела в каком-то кинотеатре повторного фильма и который – внимание! – шёл с предупреждением «детям до шестнадцати».

Когда Сусанин увидел тему моего сочинения, он потерял дар речи. Мало того что я проникла в кинозал незаконно, так я ещё и осмелилась это обнародовать. Да где! На олимпиаде, которая шла через райком и горком. Это был удар ниже пояса. Но ничего поделать уже было нельзя. Заявки были поданы в начале месяца, и заявленные работы должны были быть отправлены чуть ли не на следующий день после того, как я принесла Сусанину сочинение.

Несколько недель Сусанин со мной не разговаривал и даже не удостоивал меня взглядом. На уроках литературы я отдыхала и ожидала своей годовой четверки или чего-нибудь похуже.

– Слушай, с чего это тебя Сусанин в покое оставил? – допытывался Зелинский, явно что-то заподозрив.

– Оставил и оставил, – отмахивалась я.

– Уж не написала ли ты ему тёпленькое сочинение про Ильича? – хмыкал Зелинский, зная, что со мной такого произойти не могло.

– Какого ещё Ильича? – вступилась за меня Янка. – Это я про Ильича писала, а она взяла свободную тему. «Генералы песчаных карьеров»...

Зелинский присвистнул:

– Ну, теперь жди наряды вне очереди от Сусанина.

Я и ждала. Вопреки моим ожиданиям за всю последующую неделю от Сусанина по-прежнему не последовало ни одного вопроса на засыпку, ни одного вызова к доске. Тучи спускались с каждым днём.

– Не бери в голову, – всякий раз иронизировал Зелинский после урока. – Ещё вызовет. Мало не покажется.

Он оказался прав, но только наполовину. Как по мановению волшебной палочки, моё зыбкое положение сменилось весьма устойчивым. В одно не очень уж прекрасное утро, когда хотелось подольше поваляться в постели и вообще предаться чтению более занимательному, нежели то, что навязывала школьная программа, я притащилась в школу. Не успела переступить порог вестибюля, как раздались громкие аплодисменты. Я быстро оглянулась, думая, что они адресованы идущему за мной, но оказалось, аплодисменты были в мой адрес. Прямо передо мной выскочил Зелинский и, энергично размахивая руками, стал показывать на стену в лестничном пролёте. Я подняла глаза и, к своему изумлению, увидела огромный плакат с поздравлением победительницы в городской олимпиаде по литературе, которой оказалась я.

Что тут началось! Меня подхватили под руки и поволокли вдоль рядов прямо к лестнице, ведущей на третий этаж, где располагался наш класс. Звонки уже прозвенел, когда мы открыли дверь и ввалились в класс, где нас поджидал Сусанин.

– Ну что, голубчики, с опозданием вас! – произнёс Сусанин с усмешкой, полностью игнорируя победный дух класса. – Ещё раз такое устроите, всем будет снижена оценка по поведению в четверти.

Мы притихли, быстро заняв свои места и вытаскивая учебники.

– Так, кто у меня тут давно не отвечал... – Сусанин притворно уткнулся в журнал. – А, вот, вижу. – Она подняла глаза на меня. – Ну, давай, голубушка, расскажи нам, какой там главный конфликт в «Капитанской дочке».

Я вышла к доске и поведала всё, что потребовал Сусанин, не споткнувшись ни об одну деталь и ответив на все дополнительные каверзные вопросы. Сусанин слушал меня с каменным лицом, а когда допрос с пристрастием был закончен, сказал:

– Садись. Пять с минусом. Минус за опоздание.

Класс загудел, но тут Сусанин задал ещё какой-то вопрос и полез в журнал, выискивать новую жертву. Все тут же притихли и с бешеной скоростью стали перелистывать страницы.

После занятий Зелинский предложил:

– А почему бы нам не отметить сегодняшнее событие походом в кино?

Идея пришлась всем по вкусу.

– А смотреть что будем? – поинтересовался Кучер, поглядывая на Ройтманшу.

– Как что? «Генералов песчаных карьеров», вестимо.

– Так они ж до шестнадцати! – загалдели все.

– Были до шестнадцати. А теперь табличку сняли, я сам вчера проверил.

– Как сняли?

– А вот так и сняли! Велика сила искусства слова. Слушай, а что ты там такого написала?

И тут я вспомнила. Сочинение заканчивалось риторическим вопросом: «Так стоит ли закрывать от нас ту жизнь вывеской „Только для взрослых“?» Под «той жизнью» имелись в виду нищета и прочие беды капитализма, о которых я живописала в сочинении со всей пылкой искренностью советской школьницы. Уж не знаю, было ли это простым совпадением, но в дальнейшем фильм в городе шёл без ограничений на возраст...

А ещё через два года, в десятом классе, я наконец расставила все точки над «и» в наших отношениях с Сусаниным, открыв ему глаза на то, чем в действительности был наш пресловутый 10-й «Б».

По традиции Сусанин отдавал свой последний урок ученикам. Каждый класс должен был самостоятельно провести его, выбрав тему и показав, чему он научился. Обязательное условие: урок был открытым. На него могли прийти учителя и ученики из других классов и вообще все желающие.

– Ну, чё делать будем? – с усмешкой просил Сокол, когда воля Сусанина была объявлена.

– Будем веселить Сусанина, чтоб подобрел к выпускным экзаменам, – в тон ему ответил Зелинский.

– А идеи вообще-то есть какие-то? – поинтересовалась Ритка, которая всегда уважала предметное обсуждение.

Взгляды переместились на меня.

– Только вот не надо никаких премудростей! – заволновалась Курица. – И так времени ни на что нет.

– Курица, зачем тебе время? Ну на что ты его будешь тратить? – взъелась Ритка.

– Ладно, не ссорьтесь. Есть у меня идея, – сказала я. – Забудем про Сусанина и его предпочтения.

В конце концов, урок – наш. Будем исходить из того, что нам самим интересно.

– Мне нравится твой ход мыслей, – с улыбочкой сказал Зелинский.

– Так что же такое нам интересно? Просвети.

И я предложила тему любви.

– Та-ак... – задумчиво протянула Курица. – Стишки, что ли, о любви будем читать перед Сусаниным или как?

– Не будем, – заверил её Сокол, с которым у Курицы недавно охладилась отношения.

– Я уж точно не буду. А то ещё примет на свой счёт, – сдохмил Буратина (мы называли его «Буратина», сменив окончание по типу «Юра»).

Это разрядило обстановку.

– В общем так, – сказала я. – План такой. Нужно показать разные аспекты любви. Например, любовь материнскую, любовь к своим питомцам...

– Любовь к родине, – съязвил Сокол.

Курица косо взглянула на него, но от колкости воздержалась.

– ...и все это многообразие проявлений любви выискиваем в литературе, находим подходящие эпизоды и готовим к последнему уроку. Есть идеи?

– «Муму», – сказал Чебурек.

– Отлично. Ещё?

– А пусть на Герасима попробуется, – предложил Кучер.

– Точно! – подхватил Зелинский. – Ведь вылитый Герасим.

– Ну хорошо, – согласился безотказный Чебурек. – Раз надо, так надо...

– А Прыткова пусть монолог Наташи Ростовской прочтёт, – сказала Фея.

Прыткова польщённо кивнула.

– Ба! Так у нас ещё Офелия готовая есть! – воскликнул Зелинский, указывая на Фею.

Фея потушилась, но возражений с её стороны не было.

– А я вот люблю «Тома Сойера», – ни с того ни с сего признался Фац.

– Так ты сам вылитый Том Сойер! – воскликнула Ритка. – Разве я не права? Ну посмотрите на него!

У всех в памяти сразу возник Фац, славящийся проказами в младших классах.

– Похож, похож! – слышалось со всех сторон.

– Ну, раз хочешь быть Томом Сойером, то тебе нужна Бекки, – сказала я. – Ритуха, ну как? Поддержишь?

– Да поддержу, как не поддержать!

Фацц расплылась в улыбке.

– А ты, Лизунчик, кого хотела бы сыграть? – вкрадчиво спросил Зелинский.

– Душечку, кого же ещё! – ответил вместо Кошелевой Сокол.

Все взглянули на Кошелеву и согласно закивали.

– Не возражаю, – кокетливо согласилась Кошелева.

– А я хотела бы быть Элли из «Волшебника Изумрудного города», – несмело сказала Ольга.

Все немедленно согласились, учитывая её тяжёлое детство.

После того как репертуар был согласован, мы разбежались по библиотекам.

Сценаристом и режиссёром последнего урока стала я. Предстояло отобрать небольшие, но яркие монологи и диалоги, начать прослушивание с репетициями, обсудить костюмы и т.д., и т.п. Подготовка шла втайне от других классов, чтобы никто не повторял идеи другого, и втайне от Сусанина. Это было ещё одним условием Сусанина, который благородно уступил, чтобы в конце пожать плоды нашего труда. Забегая вперёд, скажу, что «Апки» выбрали тему «Одесса» и сделали всё так формально и наспех, что Сусанин даже расстроился. Это ведь был его образцово-показательный класс! Хитрый, но не дальновидный Сусанин просто не учёл, что после того, как годовые были практически выставлены, никто в нём больше не нуждался. «В» класс вообще ничего не сделал, потому что и на годовые, и на Сусанина им было глубоко наплевать. А мы...

А мы неустанно репетировали, придумывая мизансцены и заучивая текст, и так увлеклись, что почти забыли подготовку к контрольным и экзаменам. Мне ещё до сих пор снится, как я вдруг спохватываюсь, что ничего не прочла для экзамена по истории или не дорешала задач по тригонометрии. Уверена, что в нашей стихийно сложившейся театральной труппе подобный сон посещает не меня одну.

Наконец настал день премьеры. Все сидели за партами в самодельных костюмах и ждали появления Сусанина.

Сусанин появился минута в минуту в сопровождении ещё двух учителей – исторички Лидии Филипповны и химички Галины Николаевны, которая впоследствии поставила мне пятёрку на выпускном экзамене за то, что, как она считала, у меня талант великой актрисы. Правда, предварительно взяв с меня слово, что я не буду поступать в вуз, где сдают химию.

Мы поднялись, приветствуя вошедших.

– Садитесь, – сказал Сусанин и занял с учительницами места на галёрке.

Урок должен был открываться моим вступительным словом. Я вышла на середину класса и сказала:

– Ни для кого не секрет, что урок литературы всегда был одним из самых стрессовых. Волнение, которое каждый из нас испытывал, когда Сусанна Ивановна открывала журнал, можно только изобразить. – С этими словами Чебурек, как было заранее условлено, вскочил с места и сделал безумное лицо. Руки его тряслись. Галёрка взорвалась смехом. Я продолжала: – Но даже страх угрозы получить плохую оценку не может сравниться с тем волнением, которое испытываем мы сегодня, в последний раз представ перед взыскательным оком Сусанны Ивановны.

– Можно просто Сусанин, чего уж там! – отпарировала Сусанна Ивановна.

Партер взорвался ответным смехом.

– Мы долго думали, как лучше построить наш последний урок, чтобы выразить благодарность и вместе с тем показать, чему мы научились за эти годы. И не придумали ничего лучше, чем, оставаясь собой, обратиться к литературе и поведать о самом сокровенном. Тема нашего последнего урока – любовь. За порогом школы нас ждёт жизнь, которая сама есть и божество, и вдохновение, и жизнь, и слёзы, и любовь. Литература учит любви. Но увидеть это самому совсем не просто. Вы научили нас видеть.

Заиграла музыка, которую мы заготовили для нескольких сцен, и Ритка в шляпке с полями медленно двинулась с Фаццем по направлению к доске, ведя беседу Бекки и Тома.

– *Вы любите крыс?*

– *Терпеть не могу.*

Класс грохнул. Фацц, не обращая внимания на бурную реакцию, ответил с нарастающим вдохновением, меняя предлоги на одесский лад, что сделало его монолог ещё более натуральным:

– *Ну да, живых – я тоже. Но я говорю за дохлых, которых можно привязать на веревочку и махать ими вокруг головы.*

С этими словами он неожиданно вытащил из кармана шнурок, на котором болталось что-то серенькое, и стал раскручивать его над собой.

Ритка взвизгнула. Ничего подобного на репетиции не планировалось. Ай да Фацц!

Да, о таком Томе Сойере и такой Бекки можно было только мечтать. А когда его Том, смущаясь, сделал предложение Бекки, это прозвучало так, будто Фацц и впрямь просил Риткиной руки. Как знать? Может, так и было, учитывая его давнюю симпатию к ней. Во всяком случае, на репетициях этот подтекст

не возникал, а тут все даже притихли, ожидая Риткиной реакции. Она вопросительно подняла брови, а он продолжал словами Тома:

– *Просто вы говорите мальчику, что вы будете его всегда, всегда, а потом поцелуетесь с ним, и всё тут. Всякий может сделать это.*

Если Фацц и впрямь имел в виду что-то личное, то это был его единственный шанс. Ритка всегда от-метала его ухаживания, и довольно резко притом. Как бы то ни было, Фацц был удивительно натурален, и казалось, он действительно надеялся на поцелуй. Увы! Ритка ограничилась воздушным поцелуем, хотя мы договаривались, что поцелуй будет в щёчку. Фацц тут же погрузстнел, но она уже потащила его за рукав к их парте.

Тем временем, вниманием зрителей уже завладела Душечка, которая прямо с места обратилась к ошеломлённому Сабоне, самому рослому в классе, и провела с ним сцену с мальчиком Сашенькой, говоря:

– *Сашенька, вставай, голубчик! В гимназию пора...*

Все за бока хватались. Сабоня же, для которого это было полной неожиданностью, сначала ступше-вался, а потом стал подыгрывать Кошелевой, поминутно зевая и протирая глаза.

Почти в самом конце выпла Ольга с плашевым пёсиком в руках. Прижимая его к себе, она тихо и быстро пролепетала:

– *Мамочка, а теперь волшебники есть?*

Мама у Ольхи умерла, когда она была в третьем классе. Когда это произошло, её неделю не было в школе. В её отсутствие учительница объяснила нам, что случилось, но никто всё равно не мог понять, о чём она говорит, как мама вообще может умереть. На следующий день мы отчитались друг перед другом до начала уроков.

– *Моя жива, – сказала Фея.*

– *И моя, – сказала Курица.*

И так мы опросили весь класс. Это немного успокоило, возникло даже подозрение, что учительница что-то не так поняла, но, когда на следующей неделе появилась Ольга с чёрной лентой на голове вместо пышно повязанного белого банта, сомнения рассеялись. На перемене мы обступили её, и она рассказала, как перед смертью мама попросила, чтобы отец привёл дочь к ней в больницу попрощаться. Она хотела что-то сказать, что-то важное. Но Ольга так ничего и не поняла.

– *И зачем она меня вызвала туда? – недоумевала она. – Я ей: «Мама, что ты хочешь?» А она мне: «Ира, Ира...» Что, Ира? Ну что, Ира?*

Казалось, она была недовольна, даже рассержена на мать. Но так она просто прятала недоумение и страх. С этого момента Ольга всегда ходила с одним и тем же изумлённым выражением глаз и говорила почти шёпотом.

Роль матери и дочери в отрывке из «Волшебника изумрудного города» Ольга решила играть сама. Когда наступила очередь материнской реплики, она оторвала пёсика от себя, и он словно ожил у неё в руках, двигая лапками и махая головой.

– *Нет, моя дорогая, – отвечал пёсик, – жили волшебники в прежние времена, а теперь перевелись. Да и к чему они? И без них хлопот хватит.*

В классе воцарилась гробовая тишина. Было более чем ясно – Ольга разыгрывала перед нами вну-тренний монолог со своей мамой, которых у неё, наверное, было предостаточно в течение этих лет.

Ольха продолжала:

– *А всё-таки без волшебников скучно. Если бы я вдруг сделалась королевой, то обязательно приказала бы, чтобы в каждом городе и в каждой деревне был волшебник. И чтобы он совершал для детей разные чудеса.*

– *Какие же, например? – спросил пёсик.*

– *Ну, какие... – призадумалась на минуту Ольга и понесла отсебятину. – Чтобы можно было вернуть назад время, и чтобы можно было всё исправить и переписать начисто, как в тетрадке по русскому языку.*

Урок завершался чтением монолога Джульетты в моём исполнении под музыку Нино Рота. Как толь-ко зазвучали первые такты его чарующей музыки, сидящие за одной партой (я рассадил всех парами) повернулись лицом друг к другу, взялись за руки и продолжали так сидеть, пока монолог не закончился.

В глазах у железной леди стояли слёзы.

– *Вы были моим самым тяжёлым, самым непокорным классом, – сказала она срывающимся голо-сом. – Мне казалось, что мои ученики были в «А» классе. И только теперь я поняла, что мои настоящие ученики были здесь...*

Спустя лет пять я встретила на улице Ольху. Мы обменялись новостями. Семьи у неё не было, она закончила кулинарный техникум и работала в какой-то столовой, потом появился человек, но она не была уверена, хочет ли отношений... Всё это она рассказывала с тем же изумлённым выражением глаз. А на прощание вдруг призналась:

– *Знаешь, наш последний урок мне снится. Это самое светлое, что было у меня в жизни.*

Последний урок обернулся острой ностальгией для всех нас, включая и учителей, присутствовавших на нём. Мы просто заболели им и практически сразу после того, как урок был закончен, вместо радости ощутили глубокую, глубокую грусть.

– Вот бы повторить ещё разок! – мечтали мы между собой, понимая, что это практически невозможно.

Этому настроению не поддадался только Зелинский.

– Остановись мгновенье, ты прекрасно, – усмехался он. – Помните, чем всё закончилось?

– Это ты у нас начитанный, – тоже с иронией отвечал Сокол. – А мы люди простые, нам бы в машине времени прокатиться разок.

– Ну прокатитесь, прокатитесь. Позади вас ждёт светлое прошлое.

– Чего, ты, Зеленъ, в самом деле? – протрубил Парибон басом.

– Да ничего. Просто чтоб знали, что светлое прошлое – это такая же химера, как светлое будущее.

А так катите, куда хотите. Только не говорите потом, что я не предупреждал.

Дело шло к завершению, дописывались годовые контрольные, подтягивались хвосты, подготовка к выпускным шла вовсю. Казалось бы, ностальгия должна была отойти на задний план. Ан нет! Атмосфера ухода только обостряла желание вновь пережить очарование последнего урока. И тут вдруг на истории Лидия Филипповна обратилась к нам с предложением. Начала она издаലെка – с новости о том, что нашу бывшую классную руководительницу Грету Самойловну недавно положили в больницу с раком груди, затем прооперировали и теперь она дома. Мы вопросительно уставились на историчку, пытаясь понять, что конкретно она имеет в виду. То, что Грета Самойловна так серьёзно захворала, вызвало, конечно, общее сочувствие. Мы даже оторопели от такой новости. Но, с другой стороны, Лидия Филипповна ведь была в курсе скандала, который произошёл у нас в прошлом году с Гретой!

История была и впрямь не из приятных. Грета слыла самой сильной немкой в школе и даже в городе. Её произношение, знание языка, умение красиво и точно перевести любой текст, а также великолепная техника синхронного перевода сделали её известной в среде переводчиков. Частые приглашения в германское консульство были обусловлены именно этими её талантами. В группу к Грете Самойловне попасть было почти невозможно. Каждый родитель, отдавший своё дитяtko в спецшколу с немецким уклоном, мечтал увидеть его бегло говорящим на немецкой мове, в которой ученики Греты Самойловны преуспели куда больше, чем в украинской. Одна треть нашего класса была продвинутой в плане немецкого языка, а другие две трети валяли ваньку с Анной Андреевной и Светланой Андреевной. Их отчество было полнейшим совпадением, и они отличались друг от друга. Анна Андреевна не видела причин для напряга, и уроки у неё проходили в светских беседах с вкраплениями немецких слов. Светлана Андреевна старалась больше, но до Греты ей было как до Рейхстага.

Короче, Грета звездаела так долго, что и сама уже перестала волноваться по поводу возможной конкуренции. И тут, прямо как по Пушкину, на вопрос о том, кто на свете всех милее, зеркальце в учительской голосом директрисы поведало Грете, что приехала из «зелёных дубравъ» некая Маргарита Петровна, мужа которой командировали в Одессу. Эта Маргарита Петровна уже покорила полконсульства с консулом в придачу и получила прекрасные рекомендации. По мере поступления информации от директрисы губы Греты Самойловны сжимались всё плотнее, и не успела директриса оповестить Грету о том, что берёт эту Маргариту Петровну в штат, как в учительскую влетела Маргарита собственной персоной. В ореоле смоляных волос и в развевающейся белой кружевной блузке с воланами, она привела в движение сквозняки и другие опасные силы учительской и затараторила на немецком, приветствуя Грету Самойловну. Грета оторопела, но быстро взяла себя в руки и протараторила несколько ответных любезностей. Начало войны было положено.

Маргарита была молода, энергична, хороша собой. Грета была немолода, суха в обращении и с внешностью немецких переводчиц. Стихи и проза, лёд и пламень – это было о них, и всё дальнейшее развивалось в пушкинском русле. И не удивительно! Школа ведь была имени Пушкина! Его огромный портрет висел в вестибюле, а дух его витал во всех уголках школьного пространства.

Сама того не подозревая, Маргарита в короткий срок наделала много шуму. Слух о ней пошёл по всей Одессе великой, и родители спешно ринулись к директору, упрашивая, чтобы их детей срочно перевели от Елены Андреевны или Анны Андреевны к Маргарите Петровне. Обе с облегчением вздохнули. У них не было амбиций Греты, но зато было неимоверное количество контрольных и домашних заданий. Так Маргарита попала к нам, разделив одну из групп с Анной Андреевной, а другую – с Гретой Самойловной. За это Грета посоветовала директрисе отдать вдобавок наш седьмой «Б» под классное руководство Маргариты, которая как-то обмолвилась, что не имела никогда опыта работы классным руководителем.

К тому времени восхищение Маргаритой достигло пика. Она сумела сделать то, чего не смог ни один из учителей немецкого, включая Грету. Маргарита сделала немецкий языком общения. До неё немецкий был всего лишь предметом для изучения, скучное единство словаря, грамматики и синтаксиса – мёртвые

знания, которые никому не могли пригодиться в будущем за исключением особо одарённых. И действительно, к чему было изучать язык, если вылезти за пределы страны не было ни малейшей возможности даже под предлогом обмена опытом? С приходом Маргариты всё переменялось, словно она окропила наши скудные знания живой водой, и сразу стало ясно, что с ними делать. Став нашей классной руководительницей, Маргарита постоянно переходила на немецкий, и эта форма общения приобрела оттенок секретности, наподобие того, как это было, когда немки хотели сказать друг другу что-то, что было не для нашего слуха.

Теперь и мы пользовались этой возможностью на переменках и после занятий, выучив идиомы, которых не знали наши сверстники и тем более учителя по другим предметам. Наш словарный запас, произношение и беглое владение устным языком стали на порядок выше. И даже отстающие из всех сил подтягивались, чтобы не хлопать ушами и быть в курсе происходящего.

Поначалу Грета ничего не заподозрила и тараторила в нашем присутствии как ни в чём не бывало. Но в один прекрасный день кто-то не выдержал и хмыкнул на одну из её реплик, брошенных Маргарите, и у неё вытянулось лицо. Она гневно взглянула на Маргариту и быстро вышла из класса.

Наши успехи Грета расценила как посягательство на её вотчину, а Маргариту – как предателя, выдавшего противнику военную тайну. С этого момента она никогда больше не заходила в наш класс во время уроков и очень сухо здоровалась с Маргаритой. Мы же веселились всюю, набирая словарь и продвигаясь вперёд семимильными шагами.

Два года с Маргаритой перевернули наши представления о многом. Седьмой и восьмой классы прошли под знаком демократичности отношений между нами и ею, нашим классным руководителем. Маргарита была демократична по природе. Она не притворялась, не стремилась завоевать наше доверие панибратским отношением. Даже наоборот, учила нас почтительности и уважению, но делала это как друг, который делится опытом, а не в качестве назидания. Это ещё сильнее сплачивало нас вокруг неё. Нам действительно было интересно её мнение, почему она думает так, а не иначе по тому или иному вопросу, и это становилось предметом обсуждения.

Всё оборвалось в девятом классе. Первого сентября Маргарита объявила нам, что мужа её командируют в другое место, а это означало только одно... В классе воцарилась тишина, будто это не мы только что радостно гадали, приветствуя Маргариту – загорелую, стройную, напштавшую наше черноморское солнце.

– Да не переживайте вы так, у нас ещё полно времени, – лепетала Маргарита, сама растерявшись от такой реакции.

– Сколько? – выпалила Фея, будто речь шла о жизни тяжелобольного.

– До декабря...

Это немного успокоило.

– Потом я вам свой новый адрес оставлю, будем писать друг другу. Но Маргарита ошибалась. До декабря ей продержаться не удалось.

Засылав о том, что её соперница покидает школу, Грета немедленно взяла дело в свои руки. Она побежала к директрисе и стала убеждать её, что нехорошо в середине года менять классного руководителя и что нужно всё оформить в начале, включая и новые немецкие группы. Об этом нам поведала Прыткова, которую Сусанин отправил в учительскую принести очки, забытые на столе. Дверь в кабинет директрисы была приоткрыта, и Прыткова, которая собиралась уже бежать обратно, вдруг услышала весь разговор и почти забыла о поручении.

Когда она наконец появилась в классе, на ней лица не было.

– Что-то ты сегодня долго за очками бегала, – пробормотал Сусанин, кивая в знак благодарности.

Прыткова тихо села на место и просидела так до звонка, не поднимая глаз. После урока она прикрыла дверь и жестом попросила всех оставаться на местах.

– Слушайте, – начала она прерывающимся голосом, – Маргариту забирают.

– Что? Куда? Кто забирает?

Еле сдерживая слёзы, Прыткова поведала нам всё, что слышала.

– Сволочи, – процедила Фея сквозь зубы. – Пожалуют ещё!

На следующий день Маргарита пришла в класс заплаканная и после урока стала прощаться. Мы окружили её, ни о чём не спрашивая. Всё было так безнадежно, что дальше уже некуда.

– А знаете что? – сказала Маргарита перед тем, как уйти. – Приходите-ка ко мне. Посидим, выпьем чаю с торгом.

Все резко повеселели:

– Конечно, придём! И торт захватим.

– Да не нужно, я сама испеку... – Маргарита заулыбалась. – А если понравится, то рецепт дам.

В назначенное время мы явились к Маргарите с кульком шоколадных конфет и открыткой, которую сочинили все вместе.

– Раз торт у вас уже есть, мы вам конфеток принесли, – сказала Феля, отдавая кулёк, а заодно и открытку. Маргарита взяла открытку, и слёзы так и хлынули у неё из глаз. Открытка была написана нами по-немецки. Это было объяснение в любви с благодарностью за всё, что Маргарита для нас сделала, и клятвенные заверения в том, что мы никогда, никогда не забудем то, чему она нас научила. Имелись в виду не только познания в немецком, но и понятия чести, которые она сумела нам привить.

Мы даже представить себе не могли, что совсем скоро наши клятвы пройдут испытание на прочность. Произошло это уже в десятом классе. Когда всё и так стало распадаться, у нас появилась новая немка – практикантка из иняза. Анна Андреевна привела её в нашу группу и представила:

– Это Мария Ильинична. Она проходит практику в нашей школе. Прошу любить и жаловать.

Хоть практикантка и была одета по школьным стандартам, но было видно невооружённым глазом, что никакая она не Мария Ильинична, а самая что ни на есть борзая Машка. И впрямь, как только Анна Андреевна оставила нас с ней наедине, Машка лёгким движением руки сняла резинку с туго стянутых волос, плюхнулась на стул и, мотая облегчённо головой, вытянула длинные тонкие ноги в туфлях из Торгсина:

– Уф-ф!

Около минуты мы созерцали, как она взбивала руками рыжую копну освобождённых волос, располагаясь в напомаженной улыбке.

– Терпеть не могу эти школьные условности, – наконец вымолвила она низким, с трещинкой голосом. – Ну что ж, давайте знакомиться. – И она с лёгкостью перешла на немецкий, который шёл ей куда больше, чем школьный русский.

Машкины уроки не стоили доброго слова. Она болтала без умолку о себе и о своих представлениях о жизни, будто её персону вообще кого-то интересовала. Нет, мальчишки, конечно, повелись на неё, в особенности, когда она заявила на следующий день в прикиде то ли с Толчка, то ли из того же Торгсина, выставявшего на обозрение её тощий низ и плотный верх. Но ненадолго. Чебурек покрутился возле неё ради понта, но на Прыткову это не произвело никакого впечатления, и он быстро отпал. Дальше всех крутился возле неё Кучер, но как только Ройтманша перестала с ним разговаривать, тут же угомонился.

Сабоня несколько раз понуро глянул на неё, но потом и вовсе перестал замечать. То ли соблюдал верность своей новой пассии, то ли стыдился общего обозрения. Машка, наоборот, не только не стыдилась, но и жаждала его. Она не могла жить без двух вещей – обозрения и длинной чёрной сигареты, которую раскуривала с нами в развалинах на школьном дворе.

– А чё, неплохо тут у вас, – сказала она, когда на вопрос, где можно покурить, мы ответили её за школу. – Утощайтесь. – Она протянула нам пачку More.

Мы с Риткой застенчиво взяли сигарету на двоих, Курица вытянула одну для себя, Янка воздержалась, а Феля вообще не курила.

– Да берите, сколько хотите, – сказала Машка, видя, что мы стесняемся. И бросила пачку на стол. – У меня их много. Philip Morris есть, Salem... Вы с ментолом любите?

Разговор завязывался. В смысле, мы молчали, а Машка развязывала язык. У нас был девичник, так что вырисовывался трёп по душам.

– Ну, как девки? Лады у вас тут с вашими... Ну... этими...

– Огурцами, что ли? – звонко спросила Ритка.

Машка залилась хриплым смехом:

– Ну, да, с ними самыми. – Поскольку ответа не последовало, она продолжила: – Эх, девки, девки. Где мои школьные годы! – И пошла чесать языком про свои приключения в подворотнях. – Мутерша доставала меня тогда по-чёрному. Не поступишь никуда, орёт, экзамены на носу, а ты ни в зуб ногой! А с чего бы это мне не поступить? Отец у меня – о-го-го кто в городе! А тут ещё и репетитор из иняза не простая шишка. Я в мини-юбке к нему как завалю, так урок у нас на час дольше без перерыва. При этом всё на немецком, заметьте! – Она расхохоталась. – Я способная. На лету всё схватываю.

– Вот оторва! – процедила сквозь зубы Курица, когда мы наконец отделались от Машки. – И как только такие в иняз попадают?

Машка была больная на всю голову. Ей ужасно хотелось ходить в наших подруках, сравняться с нами по возрасту, внедриться в наши отношения. Мальчишки постепенно стали её презирать. И делали это открыто до неприличия. В Машкином присутствии они проходились вслух по её внешнему виду, да так, что мы какое-то время даже перестали их узнавать. Это были не наши мальчишки, это были какие-то пацаны с площадок и из дворов, которых мы сторонились. Машка, словно вирус, меняла в них что-то изнутри, вытягивая на поверхность накипь и прогрызая червоточины в атмосфере класса. Мы прозвали её между собой злым гением. Она проникла в нашу среду под маской свободы, которая ничего общего со свободой не имела. Она была рабой страстей, больной, с изломанной психикой, стегающей её хлыстом жгучей неудовлетворённости.

Мальчишки извили, когда она входила в класс:

– О, неуд явился!

Машка расцветала, думая, что они комплимент ей откальвают, мол, ученица с плохим поведением.

– Я женщина свободных взглядов! – любила она повторять, явно желая, чтобы имидж свобододолюбия закрепился за ней.

Но мы-то хорошо освоили с Маргаритой разницу между свободой и «гуляй, вась».

Всякий раз слушали её чушь и думали, что наваляла бы она дров тут у нас, кабы не школа Маргариты, которая закалила наш иммунитет против таких вот Машек. Жалели, конечно, что Маргарита не с нами, но как хорошо, думали, что она у нас была!

Машка не дотянула до положенного срока. Её отправили восвояси через три недели, в начале апреля.

Мы нарочито медленно собирали вещи в конце урока, стараясь избежать прощального ритуала, но она терпеливо дожидалась нас и двинулась в нашей небольшой девчоночьей стайке к выходу.

Когда мы вышли, она достала пачку сигарет и, кивнув в сторону развалин, спросила:

– Ну что, покурим на дорожку?

Мы замаялись и уж было собирались что-то ответить, но Курица нас опередила.

– Что, валишь? – спросила она Машку.

– Валю, – хмыкнула Машка. – Хахаль хочет меня взять на пару недель, проветрить. Позвонил вашей директорисе, всё обтыпал. Он у меня такой... Покровитель. Без покровителей нам никуда... Учитесь, девки! В жизни пригодится.

– Валишь и вали! Чего стала? – огрызнулась Курица. – Советы она тут раздаёт. Прошмандовка.

– Курица, ну зачем ты так, – подобрев, вступилась Ритка, которая сама уже была на грани закипания.

Машка не ожидала такого поворота и застыла с вытянутым лицом и пачкой сигарет в руках.

– И курево своё не суй тут! – не отреагировав на Риткину реплику, продолжала Курица, наступая на Машку. – Чё стоишь? Вон пошла, я сказала.

Машка повернулась и пошла прочь. Мы смотрели ей вслед, пока она не исчезла за углом, а потом повернулись к Курице.

– Ну и как это называется? – спросила Ритка.

– Так, чтоб больше не бухтели! Рассказываю, – сказала Курица. – Я эту тварь в коридоре, где мужской туалет расположен, засекала.

– Где? – почти выкрикнула Ритка.

– Что ты там делала? – в тон ей спросила Фея.

– Мимо проходила, что! – рассвирепела Курица. – Дадите досказать или нет?

– Давай валий, – сказала Фея.

– В коридоре ты её увидела. Ну и? – не отрывая взгляда от Курицы, спросила Ритка.

– Ну и увидела, как эта шалава там с ножки на ножку переминалась в кругу наших мальчишек. «Дверью ошиблась, – бормотала, – не постоите ли на стрёме, пока я тут... Очень хочется, – говорит, – не добегу...».

– Дальше.

– Дальше я к директорисе завалилась без стука и такой хаёж подняла, что её со стула в момент сдуло.

– Ну?

– Что ну? Директриса помчалась к туалету, но мальчишки уже и без неё дали этой шалаве оторваться. Директриса вбежала в тот момент, когда они её к выходу выпихивали, а она: «Да что вы, да я ведь слу- чайно, да я никому...».

– Она тебя видела?

– Какой видела! Я спряталась. Мне директориса строго-настрою запретила за ней идти.

– Молодцы, мальчишки, – сказала Ритка. – Маргарита бы гордилась ими!

– Сто процентов, – согласились мы и отправились провожать друг друга, всю дорогу вспоминая Маргариту.

Расставание с Маргаритой было тяжким. Мы бесконечно прощались, подолгу топчась то в коридоре, то на лестничной клетке, и в конце концов просто разревелись. Мальчишки стояли, опустив голову и загнав эмоции вовнутрь.

– Что делать будем? – спросила Фея, когда мы вышли на улицу.

Имелась в виду конечно же Грета.

Стали думать.

– Бойкот, – наконец предложила я.

– Бойкот, – многократно прозвучало со всех сторон.

На следующий день Грета появилась в классе как ни в чём небывало, с журналом под мышкой, и бодро поприветствовала нас. Никто не поднялся для ответного приветствия. Она остановилась в изумлении и, глядя поверх очков, повторила приветствие на немецком. Класс безмолвствовал.

– Что, за лето разучились, как приветствовать на немецком? – попыталась разрядить атмосферу Грета. Шутка не удалась. – А я слышала, что Маргарита Петровна была блестящим преподавателем, – сделала вторую попытку Грета.

Это был удар ниже пояса. За Маргариту мы могли порвать кого угодно, но у нас был железный уговор не поддаваться на провокации. Никто не шевельнулся.

– Ну что ж, – сказала Грета, – усаживаясь за стол и открывая журнал. – Проверим, как вы справились с домашним заданием.

Мы с замиранием сердца ждали, кого она вызовет первым. Понимая, что двоечникам терять нечего, Грета приступила сразу к отличникам, которые шли на золотую медаль.

– Мороз, – вызвала она нашу круглую отличницу.

Я так и предполагала. Это был единственный шанс сломать бойкот. Поэтому я предусмотрительно договорилась с Дашей и Янкой, чтобы они остались дома примерно на неделю. Больше Грета не выдержит.

– Мороз! – повторила Грета, оглядывая класс. – Где Мороз? – увидев, что Мороз отсутствует, она взглянула в журнал и сказала: – Ну что ж, тогда Гаусс.

Янкино место было тоже пусто. То ли Грета заподозрила, что это не случайно, то ли что, но на этом её выдержка закончилась. Она стала вызывать всех по списку в алфавитном порядке. Каждый поднимался и молча стоял, не отвечая на вопросы. За ним поднимался второй, третий, четвёртый... Никто не садился, и лес продолжал расти. Поначалу Грета попыталась пригрозить двойкой молчунам, но когда их количество сравнялось с количеством присутствовавших, эта угроза оказалась недейственной. Не мог же весь класс получить двойки! Если бы она привела угрозу в исполнение, то стала бы следующим кандидатом на двойку, только уже от директрисы.

Мы простояли так до конца урока. Педантичная Грета дождалась звонка и только после этого покинула класс. На следующий день она приказала всем остаться на собрание, но никто и ухом не повёл. Не пришли не только на собрание, но и на её урок. Это привело к тому, что о бойкоте прослышала директриса, чего Грета опасалась больше всего.

На третий день бойкота на урок заявила директриса. Мы встали, приветствуя её.

– Садитесь, – немного в замешательстве сказала она. Мы сели.

– Тихо у вас тут. Это что, новая форма изучения языка?

Зелинский кивнул:

– Да. Есть обучение во сне, а у нас обучение в тишине. Экспериментальная группа...

Все захихикали. Грета оскорблённо вышла из класса.

– Хватит! – рассвирепела директриса. – Шутить будете на перемене. Значит так. Я понимаю, что вы недовольны решением уволить Маргариту Петровну досрочно.

Все закивали.

– Но это не повод для бойкота. Вы что ж теперь каждого нового учителя бойкотировать будете?

– Нет, только этого, – сказала я.

– Ты зачинщица?

– Решение было общим, – вступилась Ритка.

– Всё ясно. Обе получите удовлетворительное поведение в аттестате. А теперь послушайте, что я вам скажу. Решение об увольнении принимала я, так что можете меня бойкотировать вместо Греты Самойловны.

– Нет, не будем, – сказал Сокол.

– Это почему же?

– Идея исходила не от вас. От вас – только решение.

– Ну и что?

– А то, что вот вы же не ставите всем нам уд за поведение в аттестате? Не ставите, хоть мы принимали решение все вместе. Вы наказываете только тех, кому, по вашему мнению, пришла идея бойкота.

У Сокола была железная логика.

– А что, разве идея была не их? – не зная, что ответить, спросила директриса.

– Не их, – как-то особенно чётко и вместе с тем глухо сказал Сокол. Мы насторожились. Уговор был не выдавать зачинщиков, даже если наказан будет весь класс. Сокол не мог никого выдать. Это было так же верно, как то, что Пифагоровы штаны на все стороны равны. У Сокола все стороны были равны. В смысле, он был честен, куда ни глянь.

– Ну если не их, так чья же? – тоже понизив голос, спросила директриса.

– Моя, – так же глухо сказал Сокол.

Мы ахнули.

– На две недели исключён. Мать в школу сегодня же, – отчеканила директриса и, не дав нам опомниться, стремительно вышла из класса. Она явно боялась, что мы начнём оспаривать это признание.

Ещё несколько секунд мы стояли, не проронив ни звука. Сокол упорно смотрел в пол.

Наконец, не сговариваясь, словно шок отпустил всех одновременно, мы заорали:

– Ты что, спятил? Какого ты это сделал? Мы же договаривались!

Это звучало в разных вариациях и на крещендо.

Сокол дождался, пока все успокоятся. А может, это Ритка прикрикнула:

– Да заглохните же! Дайте ему сказать наконец!

Так или иначе, ответ последовал такой:

– Просто прочитал, что это будет оптимальный вариант для всех. Мне лично на аттестат наплевать, а в школу я и так прихожу через раз.

После уроков мы отправились провожать Сокола домой.

– А что ты предкам скажешь? – с нежностью поинтересовалась Курица.

– Правду. За правду меня никогда не ругают. А в данном случае правда была на нашей стороне.

Две недели Сокол сидел дома, а мы носили ему уроки, что выглядело скорее как привилегия, а не административное наказание. Может, привилегия и есть обратная сторона наказания за благородный поступок.

Но и мы тоже с этого кое-что поймали. Кто приносил задание Соколу, сразу садился с ним за стол и получал готовые задачки по физике, химии, алгебре и геометрии за считанные минуты. Получая эти «передатки» от заключённого, каждый с радостью думал о том, как хорошо, что вину на себя взял Сокол, а не Чебурек. Хотя Чебурек и просчитать бы такой оптимальный для всех вариант не сумел. Так что в результате всё получилось наилучшим образом. Плюс к тому же на следующий день заявила директриса и сказала:

– Ну хорошо. Чего вы хотите? Другую учительницу?

Все закивали.

– Бойкотировать не станете?

Все отрицательно замотали головой.

– Ладно. С завтрашнего дня у вас будут Светлана Андреевна и Анна Андреевна. А классным руководителем назначу Юлия Самуиловича. Он же будет преподавать у вас физику вместо Любови Сергеевны. Всё. Сбор закончен. Можете расходиться по домам.

Эту весть сразу принесли Соколу, ожидая, что он тоже обрадуется. Но он только усмехнулся. Неужели и это просчитал?

Анна Андреевна вошла в нашу группу, как входят в клетку тигра неопытные дрессировщики. Мы пытались её расслабить, но она смотрела на нас стальным взглядом и упорно не шла на контакт.

– А казалась такой милой! – с удивлением произнесла Феля, когда урок закончился.

– Гестаповка! – фыркнула Курица.

Эта кличка навсегда закрепилась за тихой Анной Андреевной.

Всё это пронеслось в памяти, пока Лидия Филипповна поведала нам о болезни Греты. Тем временем Лидия Филипповна мягко подошла к сути дела:

– Мы с Галиной Николаевной всё никак не можем забыть вашего показательного урока у Сусанны Ивановны. Вот я и подумала. А что, если повторить его для Греты Самойловны? Она там совсем одна днём. Как бы она обрадовалась, увидев вас! – Лидия Филипповна выжидательно посмотрела на нас.

Только тут до нас дошло, что нам предлагается форма перемирия с тяжелобольной, возможно, умирающей учительницей.

– Когда к ней можно прийти? – спросила я.

Лидия Филипповна просияла:

– Завтра. Пойдите к ней завтра. Мы с Галиной Николаевной отпустим вас со своих уроков. Только квартира у неё маленькая, человек семь – десять, не больше.

На следующий день после четвёртого урока мы, как и было условлено, отправились к Грете. Пошли всем классом, решив разделить на две группы, а по дороге купили большущий букет цветов.

– Для любимой учительницы, да? – проницательно спросила торговка цветами и выбрала самый лучший букет. – Свеженькие, не покрашенные, как у некоторых. – Она покосилась на соседа восточной внешности, продававшего розы. – Всегда ко мне приходите. У вас и выпускные на носу. Знаю, у самой внучка в этом году заканчивает. С Богом, – отсчитав сдачу, сказала она напоследок.

Шли с камнем на сердце. Цветы были шикарны, но в них крылся траурный смысл, которым мы их наделили, не сговариваясь. И предназначены они были вовсе не для любимой учительницы – оттого что Грета была под секирой, отношение к ней не изменилось.

Грета жила в пятиэтажке неподалёку. Мы поднялись на третий этаж и позвонили в дверь.

– Входите, входите, дверь не заперта, – послышалось из комнат.

Часть из нас осталась на лестничной клетке, а оставшиеся гуськом прошли через малюсенькую прихожую в гостиную.

Гостиния напоминала коробку, заполненную так, что пространства для гостей почти не оставалось. Половину её занимала разложенная софа, напротив которой стояли стол со стульями и телевизор.

– Проходите, – повторила Грета.

Мы едва разглядели её на постели. В школе она была у всех на виду, а здесь просто потерялась в простынях и подушках.

– Здравствуйте, как же я рада, что вы пришли, – сказала Грета совсем домашним, новым для нас тоном.

Всю дорогу к ней мы пытались понять, как же показать ей наш последний урок, предназначенный вовсе не для её глаз. Для неё бы мы сделали что-то формальное, типа того, что сделала «А» класс, или что-то на немецком, а если и на русском, то уж точно не о любви. Грета и любовь были для нас две вещи несовместные. Мы абсолютно не ожидали, что сухая немка преобразится в жену, мать и бабушку...

На стене висели портреты её семьи, и мы стали разглядывать их, пытаясь определить, кто кому приходится. Грета заметила наш интерес.

– Это мои родители, – пояснила она, указывая на крайнее фото слева. – А справа от них – родители мужа. Их расстреляли в Бабьем Яре вместе с его младшими братьями. А он был на фронте в это время. Моих расстреляли под Одессой, а меня укрыли соседи... А на столе фотографии наших детей и внуков. – Она улыбнулась.

– Расстреляли. Вот сволочи! – рубанула Феля. – И как же это вы смогли их язык учить после всего?

– После всего и решила учить... Думала, что ещё сумею пригодиться родине и отомстить...

– Тяжело, наверное, такое на сердце держать, – вздохнула Ольга.

– Поначалу невыносимо было, это правда.

– А потом? – спросила Ритка.

– А потом... Потом любовь, девочки. Она раны заживает. Мы с Исааком Аркадьевичем как встретились, так до сих пор неразлучны, – сказала она как-то даже застенчиво.

Это всё, что требовалось. Слова Греты действовали как катализатор, и мы взлетели на этой волне, проведя урок на одном дыхании. Это был совершенно другой урок – урок, в котором любовь побеждала войну, потери и смерть. В котором из романтического чувства она вырастала в самое главное жизненное начало, в средоточие веры и оплот надежда.

Участники менялись местами с теми, кто ожидал своей очереди на лестничной клетке, и это превращало движение в бесконечный конвейер, направленный к вершине – монологу Джульетты.

В окружении портретов убитых родственников Греты «Что в имени?» неожиданно прозвучало как прозрение человека перед стихией бесчеловечности, породившей Бабий Яр и другие ужасы войны с её расправами над теми, чьё имя вносилось в чёрный список. Монолог стал той нотой, на которой разговор устремлялся в сферу наивысшей гуманности.

– Спасибо, – после продолжительной паузы сказала Грета. – Спасибо.

– И вам спасибо, – заговорили мы наперебой. – Простите нас, простите. Мы не хотели. Мы не думали, что...

Грета подняла руку:

– Подождите. Я должна вам сказать. Я должна вам сказать. Вы вступились за учительницу, которую любили. Правильно, наверно, вступились. Я действовала с точки зрения учебного процесса. Вы действовали с точки зрения любви. Вы не предали её. Не забыли. Не выбросили из сердца. Оставайтесь такими. Не предавайте тех, кого любите...

Мальчишки внесли букет роз, который вдвое увеличился в миниатюрном пространстве гостиной.

Грета всплеснула руками:

– Красота какая. А у меня даже вазы такой нет. Ребята, там в кухне высокая кастрюля на полке. Налейте воды и поставьте цветы.

Когда всё было готово, мы поставили цветы в кастрюле на стол перед Гретой.

– Поправляйтесь, – пожелали мы ей нестройным хором.

– Вы ведь поправитесь, правда? – спросила Курица, у которой глаза были на мокром месте.

– Обязательно. Летом оздоравлиюсь, а с осени уже буду преподавать, – заверила её Грета.

Курица издала вздох облегчения и порывисто обняла Грету, чуть ли не запрыгнув на софу.

– Курица, ты поосторожней там! Человек всё-таки после операции, – одёрнула её Ритка.

– Ничего, ничего, – сказала Грета, счастливо похлопывая Курицу по спине. – Всё будет хорошо.

Мы вышли от Греты. Светило яркое солнце. Мы и не подозревали, что так распогодилось. Квартира Греты выходила на теневую сторону, и нам казалось, что утренняя пасмурность не рассеялась. Несколько кварталов мы прошли, переваривая впечатления и жмурясь от солнца.

– Ну, что, куда теперь? – спросил Сокол, когда мы дошли до школы.

– Может, на пляж? – предложил Кучер, поглядывая на Ройтманшу.

– Вода ещё холодная, – возразила Кошелева.

– Лизок, так мы же не купаться, – усмехнулся Зелинский. – Ни плавок, ни купальников у нас всё равно нет. Пойдём побродим по песку, море послушаем.

И мы отправились к морю.